

Критические заметки о первой
книжке "Братское Слово".

Опубликовано:

Христианское чтение. 1875. № 4-5. С. 345-367.

Критическія замѣтки о первой книжкѣ „Братскаго Слова“.

Во 2-мъ № «Церковнаго Вѣстника» мы изложили общее содержаніе первой книжки «Братскаго Слова»; въ 4-мъ № показана важность задачъ новаго журнала. Въ настоящій разъ мы намѣрены познакомить нашихъ читателей съ болѣе подробнымъ содержаніемъ напечатанныхъ въ первой книжкѣ «Братскаго Слова» статей и избираемъ для этого страницы «Христіанскаго Чтенія».

Начнемъ съ перваго *отдѣла*, въ которомъ «Братское Слово» намѣрено печатать *матеріалы*, или письменные памятники какъ православнаго, такъ и раскольническаго происхожденія, служащіе къ разъясненію раскола въ его исторіи, вѣроученіи и жизни, и притомъ — памятники, доселѣ остающіеся неизданными и даже мало извѣстными, а равно и тѣ, которые хотя и были напечатаны прежде, но не вполне и по спискамъ не совсѣмъ вѣрнымъ (*стр. 16*). Въ этомъ отдѣлѣ первой книжки «Братскаго Слова», какъ мы уже говорили, напечатаны: 1) соборное постановленіе о печатаніи новоисправленнаго потребника, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ объ учрежденіи архіерейскихъ каѳедръ въ Смоленскѣ и Вяткѣ, состоявшееся на соборѣ, бывшемъ въ октябрѣ 1656 года, и 2) разные документы, касающіеся одного изъ первыхъ и вліятельныхъ противниковъ соборнаго исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, протопопа московскаго Казанскаго собора Іоанна Неропова. О значеніи перваго памятника, явившагося въ печати только теперь и представляющаго новое

доказательство того, что патр. Никонъ, скажемъ словами отцовъ московскаго собора 1666—7 года, исправлялъ и печаталъ неслучайными книгами «не собою, по совѣтомъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ и согласіемъ архіереевъ всего російскаго государства и всего освященнаго собора»¹⁾, и притомъ исправлялъ не иначе, какъ по древнимъ греческимъ и халкідейскимъ славяноросійскимъ книгамъ, и печаталъ не прежде, какъ послѣ самаго тщательнаго и притомъ соборнаго разсмотрѣнія и одобренія, — говоритъ нѣтъ нужды; оно понятно каждому. Документы втораго рода, касающіеся Перинова, хотя большинство ихъ было и прежде извѣстно специалистамъ и служило имъ значительнымъ пособіемъ при составленіи біографіи Перинова, имѣютъ еще бѣльшую важность. Дѣло въ томъ, что въ этихъ документахъ рѣчь идетъ о томъ времени, когда еще только начиналась преобразовательная дѣятельность патріарха Никона, и о тѣхъ лицахъ, которые были первыми противниками его церковныхъ распоряженій, касавшихся исправленія церковно-богослужебнаго чина. А по нашему мнѣнію, въ документахъ подобнаго рода въ настоящее время всего болѣе и нуждается наука о расколѣ. Читателямъ нашимъ, надѣемся, извѣстно, что у раскольниковъ, по крайней мѣрѣ болѣе другихъ благоразумныхъ и совѣстливыхъ, еще съ первой половины прошлаго столѣтія стало появляться сознаніе въ томъ, что удаленіе ихъ отъ церкви и пребываніе безъ священства (по крайней мѣрѣ—правильнаго) и таинствъ составляетъ такое печальное явленіе, которое не только не можетъ быть оправдано никакими старыми книгами, но даже дѣлаетъ сомнительнымъ самое спасеніе ихъ²⁾. Это сознаніе, усиливаясь постепенно, достигло, благодаря разнаго рода обстоятельствамъ, въ наше время до того, что нынѣ нѣкоторые даже изъ самыхъ старообрядческихъ вожаковъ и наставниковъ открыто заявляютъ, что заблуждаетъ не церковь великоросійская, а расколъ (см. *отд. III, стр.*

¹⁾ Доп. къ Истор. Акт. т. V, стр. 460 и 484.

²⁾ «Исторія русск. раскола», стр. 319.

12, 14, 19, 21—2, 23 и др.), въ теченіе двухвѣковой своей жизни патворившій столько разнаго рода темныхъ дѣлъ, что при одномъ воспоминаніи объ нихъ душа приходитъ въ ужасъ. Въ подтвержденіе сказаннаго достаточно указать на помѣщенное въ «Братскомъ Словѣ» письмо одного бывшаго старообрядца, нишѣ сына православной церкви, въ которомъ онъ доказывалъ (въ 1864 г.) неправоту раскола старообрядческому же начотчику слѣдующимъ описаніемъ прошлаго раскола:

«Когда вы взглянете на старообрядческую исторію и проникнете въ самую глубину этой двухъ вѣковой исторіи, исполненной смуть и раздоровъ, вражды и несогласій, буйствъ и раздробленій па безчисленные секты и толки: то какая вамъ представится мрачная и плача достойная картина! Только не отвращайте взора, но зрите прямо. Вамъ уже не въ такомъ благолѣіи покажется старообрядчество, какъ вы думали и какъ, можетъ быть, теперь думаете, но во всемъ своемъ безобразіи, во всей наготѣ. Вы увидите на этой мрачной картинѣ старообрядческихъ предковъ, съ воплемъ и ругательствомъ и нестерпимою для слуха христіанскаго хулою возстающихъ противъ св. церкви, не покоряющихся пяти вселенскимъ святѣйшимъ патріархамъ, безчисленному сонму митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ съ неслыханнымъ числомъ священниковъ. Далѣе на этой картинѣ вамъ представляется: святотатственное домогательство добыть себѣ архіерея, а потомъ и самые архіереи—Елифаній, Аноимъ, святотатственно и преступно похитившіе великій санъ архіерейства. Вы увидите крещеніе въ полномъ облаченіи бѣглыхъ поповъ; представляется вамъ сграницное и святотатственное, приводящее въ ужасъ истинно-православнаго вѣрующаго, вареніе незаконнаго мура, безъ архіерея, однимъ бѣглыми попами; вы увидите, какъ этимъ муромъ стали перемазывать бѣглыхъ поповъ и простолюдиновъ, и какая началась непримиримая вражда, по отношенію мура, между московскими и вѣтковскими старообрядцами. Много и еще увидите подобныхъ изображеній, парисованныхъ рукою времени. Но вотъ и близкая къ нашему времени исторія повозобруженнаго священства, которое носятъ на себѣ названіе австрійское. Во главѣ этой картины путешествіе иноковъ Алимпія и Павла, ихъ провекія—добыть себѣ архіерея; потомъ митрополитъ Амвросій, путешествіе его, прибытіе въ Бѣлую Крилицу, принятіе и перема-

заніе, поставленіе намѣстника Бярилла; въ Россію проникаетъ новое священство: епископы— Софроній и Антоній, ихъ жизнь и дѣла: наконецъ, появленіе въ свѣтъ окружнаго посланія; раздоръ между епископовъ, разрывъ съ митрополитомъ Кирилломъ; клятва и изверженіе митрополита русскимъ священнымъ соборомъ: митрополитъ съ своей стороны извергаетъ и отлучаетъ русскихъ епископовъ, предаетъ анаѳемѣ. На заднемъ планѣ этой картины стоятъ раздоры и вражда между безчисленнаго множества русскихъ старообрядцевъ. Весь этотъ необъятный хаосъ просмотрите безпристрастно.—и, надѣюсь, вы тогда невольно ужаснетесь за страшную будущность вѣхъ главныхъ вождей и правителей перазумныхъ старообрядцевъ» (отд. III, стр. 46-7).

Въ этой картинѣ рисуется главнымъ образомъ расколъ поповщинской секты. Но пужло ли говорить, что исторія безпоповщинскаго раскола, дошедшаго въ своемъ вѣроученіи до мысли о прекращеніи, вопреки ясному ученію евангелія, церкви, священства и таинства, а въ жизни (въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ толкахъ)—до открытаго и ничѣмъ не стѣсняемаго разврата, представляетъ еще болѣе мрачную картину, чѣмъ исторія раскола поповщинскаго, и можетъ скорѣе и глубже смутить совѣсть всякаго ревнителя древняго благочестія, который рѣшился бы изучить ее безпристрастно. Лучшимъ доказательствомъ справедливости сказаннаго можетъ служить совершившееся въ наши дни обращеніе къ св. церкви многихъ и притомъ лучшихъ представителей безпоповщинскаго раскола, не могшихъ примириться съ порядками, существующими въ этой сектѣ.

Такимъ образомъ двухсотлѣтняя исторія раскола—со времени рѣшительнаго отдѣленія его отъ церкви послѣ московскаго собора 1667 года, произнесшаго окончательный судъ надъ виновниками «церковнаго мятежа», по сознанію многихъ изъ самихъ заблуждающихся, представляетъ «мрачную и плача достойную картину» и служитъ доказательствомъ неправоты раскола. А если такъ, то что же удерживаетъ раскольниковъ отъ соединенія съ св. церковію? На этотъ вопросъ въ извѣстномъ «окружномъ посланіи» мы находимъ слѣдующій отвѣтъ:

«вины нашего непослѣдованія пастыремъ тоя (т. е. греко-россійской) церкви суть важныя и благословныя: понеже убо попущеніемъ Божиимъ чрезъ Никона, бывшаго патріарха, древлецерковная преданія измѣнишася и впоследствии соборомъ (съ присутвіемъ греческихъ патріарховъ) 1667 года ужаснѣйшая клятва и анаѳема на содержащихъ древнія святоцерковная преданія произнесена и строгое преслѣдованіе и гоненіе воздвигается съ мученіемъ». Если мысль составителей «окружнаго посланія», заключающуюся въ приведенныхъ словахъ, выразить коротко, то выйдетъ слѣдующее: расколъ появился и существуетъ доселѣ вслѣдствіе неправильной будто бы церковно-преобразовательной дѣятельности патріарха Никона, измѣнившей «древлецерковная преданія», и несправедливо строгаго приговора надъ ревнителями этихъ преданій собора 1667 года, подвергшаго защитниковъ мнимои старины, какъ раскольниковъ и еретиковъ, клятвѣ и «царскому сирѣчь градскому закону и казненію».

И дѣйствительно, кто знакомъ съ раскольничьей литературой, тотъ знаетъ, что исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, начатое патр. Никономъ и законченное соборомъ 1667 года, всегда служившее предметомъ пререканій раскольничьихъ, въ послѣднее время сдѣлалось главнымъ пунктомъ, на которомъ сосредоточено вниманіе такъ называемаго «новѣйшаго раскола» и противъ котораго направлены всѣ его возраженія. Смыслъ этихъ возраженій тотъ, что будто бы патр. Никонъ началъ дѣло книжнаго исправленія безъ настоящей въ томъ нужды и велъ его незаконно, а соборъ 1667 года, одобрившій дѣятельность Никона по исправленію книгъ и произнесшій на противниковъ его преобразованій анаѳему, поступилъ несправедливо, «погрѣшительно», и тѣмъ произвелъ расколъ. Достаточно припомнить въ этомъ случаѣ содержаніе сочиненій «новѣйшаго раскола», разборъ которыхъ былъ помѣщенъ въ *Вѣстникъ Европы* за 1873 годъ (май и іюнь), и — статьи «по дѣламъ старообрядства», напечатанныхъ въ 74--75 №№ «Церковно-

Общественнаго Вѣстника» за прошлый годъ, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго нами. А проехавшіе недавно въ С.-Петербургскомъ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія споры по вопросу «о нуждахъ единовѣрія» показываютъ, что взгляды «новѣйшаго» раскола на многіе факты изъ исторіи книжнаго исправленія при патр. Никонѣ и на многія опредѣленія собора 1666—7 года находятъ себѣ сочувствіе даже у нѣкоторыхъ православныхъ писателей.

При такомъ положеніи вещей, становится очевиднымъ, что подробное, отчетливое, основанное на несомнѣнныхъ данныхъ, изложеніе постепеннаго хода исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ при патр. Никонѣ и отношенія къ этому исправленію ревнителей мнимой старины, и правильное разъясненіе смысла опредѣлений бывшихъ по этому поводу соборовъ, начиная съ собора 1654 года и кончая соборомъ 1667 года, составляетъ въ настоящее время первую и самую главную задачу науки о расколѣ. Понятно далѣе и то, какое важное значеніе долженъ имѣть нынѣ для науки о расколѣ каждый документъ, болѣе или менѣе уясняющій и дополняющій этотъ доселѣ еще не вполне разработанный вопросъ. А таковы именно по своему содержанію документы о московскомъ Казанскаго собора протопопѣ Іоаннѣ Пегоновѣ, напечатанные въ первой книжкѣ «Братскаго Слова». Въ нихъ не только многія событія, уже извѣстныя и прежде, представляются въ новомъ свѣтѣ, но сообщается не мало совершенно новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ и притомъ въ высшей степени интересныхъ, подробностей о первыхъ ревнителяхъ старообрядства, объ ихъ личныхъ отношеніяхъ къ патр. Никону, объ ихъ взглядѣ на самыя первыя попытки его къ исправленію церковныхъ чиновъ и обрядовъ, а равно и объ отношеніи самого Никона къ Пегонову и его единомышленникамъ,—такъ, что невольно чувствуешь потребность сказать русское спасибо редакціи «Братскаго Слова» за напечатаніе такихъ полезныхъ для науки матеріаловъ, благодаря которымъ исторія книжнаго исправленія при Никонѣ и первоначальнаго раскола представляется въ новомъ свѣтѣ.

чальнаго возникновенія раскола становится яснѣе, понятнѣе и даже представляется въ новомъ свѣтѣ. Въ подтвержденіе справедливости нашихъ словъ представимъ нѣсколько примѣровъ.

Такъ напр. въ наукѣ о расколѣ давно извѣстенъ тотъ фактъ, записанный еще протопопомъ Аввакумомъ и затѣмъ повторенный Денисовымъ, что Никонъ въ одну изъ четырехдесятницъ издалъ распоряженіе о замѣнѣ земныхъ поклоновъ поясными (кромѣ четырехъ великихъ) и дуперстія троеперстіемъ и что это распоряженіе возбудило во многихъ и особенно въ Юсифовскихъ справщикахъ протестъ и ропотъ на патріарха, дошедшій до того, что нѣкоторые изъ нихъ подали царю челобитную на Никона, жалующь въ ней на измѣненіе патріархомъ «древняго благочестія». Такъ какъ указанное распоряженіе Никона послужило поводомъ къ «церковному мятежу», поднятому главными расколовождями, то понятно, какъ важно для науки опредѣлить точно, въ которомъ именно году послѣдовало это распоряженіе патріарха. Въроятно, на томъ основаніи, что Аввакумъ говоритъ объ этомъ фактѣ неопредѣленно, а Денисовъ прямо относитъ его къ 1654 году, и православные писатели до самаго послѣдняго времени утверждали, что означенное распоряженіе было сдѣлано Никономъ въ великій постъ 1654 года и притомъ *послѣ* собора, бывшаго въ этомъ году и признавашаго нужду исправленія нашихъ книгъ и чиновъ по древнимъ греческимъ и славянскимъ уставамъ; нѣкоторые же относили указанное распоряженіе патріарха даже къ 1655 году. Между тѣмъ изъ напечатанныхъ въ «Братскомъ Словѣ» документовъ оказывается, что патр. Никонъ издалъ распоряженіе о поклонахъ и перстосложеніи для крестнаго знаменія въ сорокатицу 1653 года и что самый соборъ 1654 года былъ созванъ, между прочимъ, по мысли и желанію Неронова. Точно также до самаго послѣдняго времени существовало мнѣніе, что Нероновъ, Аввакумъ, Даниилъ, протопопъ костромской, Логгинъ, протопопъ муромскій, занимавшіе должность справщиковъ книгъ при патріархѣ

Иосифъ, были высланы Никономъ изъ Москвы и заключены по разнымъ мѣстамъ не только послѣ собора 1654 года, но даже послѣ собора 1656 года, опредѣленію котораго противились. Между тѣмъ, какъ показываютъ разсматриваемые нами документы, Нероновъ былъ высланъ изъ Москвы 4-го августа 1653 года, Даниилъ и Логгинъ--вскорѣ послѣ него, а Аввакумъ--въ сентябрѣ того же 1653 года, т. е. опять-таки до собора 1654 года.

Мы почти не сомнѣваемся въ томъ, что подобныя хронологическія данныя, находящіяся въ напечатанныхъ въ «Братскомъ Словѣ» матеріалахъ, а равно и другія свѣдѣнія, сообщаемыя документами о Нероновѣ, возбуждаютъ въ «новѣйшемъ» расколѣ и въ лицахъ, раздѣляющихъ его воззрѣнія, не мало новыхъ недоразумѣній и нареканій какъ на патр. Никона, такъ и на его церковно-преобразовательную дѣятельность; но въ тоже время мы увѣрены, что наука о расколѣ не замедлитъ разъяснить эти недоразумѣнія и опровергнуть тѣ изъ нареканій, которыя окажутся несправедливыми. Къ той же цѣли, т. е. къ разъясненію и критическому разбору фактовъ, возбуждающихъ недоумѣнія, по нашему мнѣнію, должны быть направлены главнымъ образомъ и «подстрочныя примѣчанія», съ которыми редакція «Братскаго Слова» обѣщаетъ вестникъ изданіе письменныхъ памятниконъ. Къ сожалѣнію, не всѣ примѣчанія къ напечатаннымъ въ первой книжкѣ документамъ отвѣчаютъ такой цѣли. Большая ихъ часть относится къ такимъ мѣстамъ документовъ, которыя и безъ примѣчаній ясны и понятны; таковы, между прочимъ, примѣчанія, находящіяся на стр. 24, 39, 46, 60, 72, 82, 89, 102, 106, 155. На послѣдней напр. изъ указанныхъ страницъ къ словамъ Неронова, сказаннымъ Никону: «ты и черниговскаго протопопа Михайла проклялъ дерзостно, и скуфью съ него снявъ, за то, что оны въ книгѣ Кирила іерусалимскаго въ двоестрочіи недѣломъ положилъ, что христіаномъ мученія не будетъ, сиче: аще, рече, Богъ грѣшниковъ и мукою претить, обаче своего созданія въ конецъ не погубить», мы находимъ слѣдующее за-

мѣчаніе: «рѣчь идетъ о протопопѣ московскаго архангельскаго собора Михаилѣ Роговѣ, собиратель извѣстной *Кирилловой книги*», — замѣчаніе, по нашему мнѣнію, совершенно излишнее, такъ какъ и безъ него ясно, о комъ говорилъ Нероновъ; между тѣмъ дальнѣйшія слова Неронова: «ты же святитель, яко исправити хотя, страсть свою исполнилъ еси, а изъ книги и донынѣ та рѣчь въ тѣхъ книгахъ обносится», — слова, которыя, если признать ихъ справедливыми, бросаютъ на Никона невыгодную тѣнь и показываютъ, что жалобы Неронова на то, что патріархъ судилъ противниковъ своихъ не по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ, а по своей страсти, имѣли основаніе, — оставлены безъ всякаго замѣчанія. По нашему мнѣнію, редація оказала бы наукѣ бѣольшую услугу, если бы, вмѣсто ссылки на г. Лилова и приведенія подлинныхъ словъ *Кирилловой книги*, за которыя будто бы собиратель ея былъ проклятъ и въ которыхъ, прибавимъ, только недоразумѣніе или предубѣжденіе можетъ находить «грубую догматическую ошибку», разъяснила, не одно ли и тоже лицо — черниговскій протопопъ Михаилъ, о которомъ говоритъ Нероновъ, и черниговскій протопопъ Михаилъ, который упоминается въ числѣ лицъ, присутствовавшихъ на соборѣ 1654 года и подписи котораго однако нѣтъ подъ дѣяніемъ соборнымъ. Тогда, быть можетъ, стало бы понятнымъ, почему и за что былъ осужденъ Никономъ собиратель *Кирилловой книги*.

Въ другихъ примѣчаніяхъ видна кака-то небрежность и невниманіе къ дѣлу, которое однакоже стоить полнаго вниманія. Такъ напр. въ одномъ мѣстѣ (*стр.* 55) говорится, что Никонъ при чтеніи извѣстной молитвы Ефрема Сирина оставилъ *четыре* земныхъ поклона, въ другомъ (*стр.* 89) — *пять*: или въ примѣчаніи сказано, что постриженіе Неронова послѣдовало 1655 года 25 октября (*стр.* 127), между тѣмъ какъ въ текстѣ (*стр.* 113) значится — 25 декабря.

Далѣе: нѣкоторыя изъ примѣчаній къ документамъ, напечатаннымъ въ первой книгѣ «Братскаго Слова», намъ ка-

жутся голословными и недоказательными. Такъ, напр., вопреки увѣренію Неронова, будто бы онъ и его друзья— Аввакумъ, Даниилъ и Логгинъ были осуждены Никономъ «не по правиламъ св. апостоль и св. отецъ, а мірскимъ судомъ», въ примѣчаніяхъ говорится и не одинъ разъ (*стр. 56, 52 и 80*), что всѣ указанные лица были «суждены соборнымъ судомъ за противленіе церковной власти» (въ чемъ?). Между тѣмъ а) изъ документа подъ № IV, на который указываетъ редація въ подтвержденіе своихъ словъ, видно, что соборомъ были осуждены только Нероновъ и Логгинъ, и притомъ послѣдній— не за сопротивленіе церковной власти, а по доносу муромскаго воеводы, обвинявшаго Логгина въ невѣроятной хуль на «образъ Господа нашего Иисуса Христа, и Пресвятыя Богородицы, и всѣхъ святыхъ»; объ Аввакумѣ же и Даниилѣ въ указанномъ документѣ не говорится ни слова; б) изъ соборнаго дѣянія на протопопа Неронова, 1656 года (№ XII), видно, что и этотъ противникъ Никона былъ осужденъ не за сопротивленіе церковной власти, а за «нѣкоторую вину» ¹⁾ и за «досадительныя несправедныя словеса», которыми онъ «укорилъ» какъ соборъ, такъ и патріарха Никона, или, по выраженію «грамоты ко властямъ»,— «за великое безчиніе» (*стр. 51*); в) въ числѣ лицъ, несправедливо будто бы пострадавшихъ отъ Никона и «изгнанныхъ ради проповѣди закона и ради ученія», Нероновъ указываетъ въ своихъ письмахъ не только

¹⁾ Въ чемъ состояла эта «нѣкоторая» и притомъ «грѣховная вина» Неронова, издаваемые документы не объясняютъ. На соборѣ (въ іюль 1653 г.; Никонъ ссылался на какую-то челобитную, поданную на Неронова притомъ Моск. Казанскаго собора, при которомъ служилъ Нероновъ. Но когда обвиняемый заявилъ желаніе, чтобы челобитная была прочтана, Никонъ «не объявилъ» и тѣмъ далъ Неронову поводъ сказать въ глаза патріарху: «лжешь» (*стр. 48 и 49*). Между тѣмъ Аввакумъ, конечно, хорошо знавшій, за что страдалъ его покровитель, прямо, заявилъ судьямъ патріарха, что подъ «свиньями» онъ разумѣлъ въ своей челобитной, поданной въ защиту Неронова, тѣхъ поповъ, которые на Неронова подали патріарху челобитную, что патріархъ у себя сказывалъ (*стр. 24*); хотя священникъ Казанскаго собора Иванъ Даниловъ въ письмѣ къ Неронову называлъ такіа рѣчи Аввакума клеветой (*стр. 32*).

протопоповъ Аввакума, Даниіла и Логгина, но и Павла, епископа коломенскаго (стр. 79, снес. 87, 100 и 118); между тѣмъ въ примѣчаніи (стр. 80) ни слова не говорится объ этомъ злополучномъ епископѣ и тѣмъ какъ бы подтверждается справедливость словъ Перонова. Правда, въ другихъ примѣчаніяхъ говорится, что Павель коломенскій «подвергся онадѣ» за то, что «на соборѣ 1654 года дѣлалъ возраженія по вопросу о поклонахъ» (стр. 87 и 118); но кромѣ того, что такой взглядъ на дѣло не мирится съ тѣми свѣдѣніями о Павлѣ коломенскомъ, какія находятся въ предисловіи къ изданному въ 1873 году Братствомъ св. Петра митрополита дѣянію московскаго собора 1654 года, — главный вопросъ въ настоящемъ случаѣ состоитъ не въ томъ, за что Никонъ подвергъ опалѣ Павла Коломенскаго, а въ томъ, когда и какъ именно былъ осужденъ этотъ епископъ, лишился сана и посланъ въ заточеніе. Редакціи «Братскаго Слова», конечно, извѣстно, что не только въ раскольникскихъ сочиненіяхъ, но даже въ «извѣстительной грамотѣ о изложеніи Никона», изданной отъ собора, осудившаго его, Никонъ обвиняется, между прочимъ, и въ томъ, что «архіереи (причемъ разумѣлся именно Павель коломенскій) самъ единъ низверже, кромѣ всякаго помѣстнаго собора». Чтобы защитить Никона отъ этого обвиненія, православные писатели до самаго послѣдняго времени утверждали, что Никонъ, осудившій Павла коломенскаго и подвергшій его церковной казни, поступилъ не самочинно, а соотвѣтственно опредѣленію константинопольскаго собора и вселенскаго патріарха Паусія, и былъ въ этомъ случаѣ только исполнителемъ воли и рѣшенія константинопольскаго патріарха и его собора. Между тѣмъ изъ документовъ о Пероновѣ оказывается, что Павель коломенскій былъ осужденъ Никонъ и высланъ изъ Москвы раньше мая 1654 года, т. е. прежде, чѣмъ Никонъ успѣлъ послать константинопольскому патріарху свои вопросы, въ которыхъ, между прочимъ, жаловался и на Павла коломенскаго. По нашему мнѣнію, редакція «Братскаго Слова» больше соблюла бы требуемая наукою

условія, если бы вмѣсто того, чтобы дважды говорить о поведеніи Павла коломенскаго на соборѣ 1654 года, теперь уже извѣстномъ всѣмъ и каждому, разъяснила, на чьей сторонѣ правда въ данномъ вопросѣ.

Наконецъ, въ числѣ примѣчаній мы встрѣтили и такія, которыя не отличаются безпристрастіемъ и справедливою. Такъ напр. въ замѣчаніи редакціи (*стр.* 58), что «выраженіе Θεодоритова слова: два перста имѣти *наклонены*, а не *простерты*, вовсе не благопріятствующее старообрядческому перстосложенію, осталось безъ переменъ и въ принятомъ старообрядцами чтеніи Θεодоритова слова», мы находимъ по меньшей мѣрѣ неточность; такъ какъ и въ слѣдованной псалтири, изданной въ патріаршество Іосифа, и въ *книжѣ Кирилловой* означенное выраженіе Θεодоритова слова передѣлано такъ: «а два перста—вышній да средній великій вмѣсто сложити и *простерти*, великій же перстъ имѣти мало наклонно». Точно также болѣе, чѣмъ неточно—и то замѣчаніе редакціи, что Нероновъ въ письмѣ своемъ отъ 13 іюля 1654 года предсказалъ удаленіе Никона съ патріаршей кафедры за *пять* лѣтъ до этого событія (*стр.* 107). Въ царской грамотѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь (отъ 17 авг. 1658 г.) ясно говорится, что Никонъ «оставилъ престоль святыхъ соборныхъ апостольскія церкви и свое патріаршество, своею волею, въ нынѣшнемъ во 166 году іюня (?) въ 10 день»¹⁾; значить, спустя *четыре* и то неполныхъ года послѣ письма Неронова. А въ замѣчаніи редакціи (*стр.* 110), будто бы Нероновъ вооружилъ противъ себя настоятеля и братію Спасокаменнаго монастыря, въ которомъ находился «подъ началомъ», своею *строптивостію*, мы видимъ не только пристрастіе,—такъ какъ, по тексту, вся вина Неронова предъ монастырскою братіею состояла въ томъ, что онъ настойчиво хлопоталъ о прекращеніи существовавшихъ въ монастырѣ безпорядковъ и соблюденіи устава, — но и противорѣчіе другому замѣчанію (*стр.* 117) о томъ, что безпорядки, объ искорененіи которыхъ рев-

¹⁾ Акты Арх. Экспед., т. IV, № 108.

новаль Нероновъ, дѣйствительно существовали въ Спасокаменномъ монастырѣ, и притомъ не въ немъ одномъ, а «составляли тогда почти общее у насъ явленіе»; въ послѣднихъ словахъ, намъ думается, есть преувеличеніе. Не чуждымъ преувеличенія и пристрастія намъ кажется и слѣдующее замѣчаніе: «что касается сдѣланнаго Нероновымъ извѣта въ оскорбленіи патріархомъ Никономъ царскаго величества, то по немедленно произведенному изслѣдованію онъ оказался *несправедливымъ*» (стр. 42); такъ какъ, по тексту (стр. 45), на соборѣ по этому дѣлу ростовскій митрополитъ Іона прямо сказала: «было-де такъ, какъ Іоаннъ протопопъ говоритъ» (хотя «въ томъ же часѣ и заперся»), что подтвердили и другіе свидѣтели; да и сама редакція сознается въ томъ, что «нельзя допустить, чтобы Нероновъ все здѣсь выдумалъ». Наконецъ попытку редакціи совершенно очистить Арсенія Грека отъ нареканій раскольничьихъ—даже въ ущербъ репутаціи Арсенія Сухапова (стр. 154, спес. стр. 64) мы признаемъ неудачною. По нашему мнѣнію, редакція сдѣлала бы лучше, еслибы вмѣсто указанія на статьи, въ которыхъ Арсеній Грекъ рисуется по меньшей мѣрѣ человѣкомъ не твердаго образа мыслей и не безукоризненной жизни, разъяснила, насколько вѣроятна мысль Неронова, будто бы Никонъ, издавшій на первой недѣлѣ великаго поста 1653 года извѣстное распоряженіе о поклонахъ и перстосложеніи для крестнаго знаменія, дѣйствовалъ подъ вліяніемъ Арсенія Грека; такъ какъ въ печати существуетъ мнѣніе, которое, по видимому, раздѣляетъ и редакція «Братскаго Слова», что Арсеній Грекъ былъ возвращенъ Никономъ въ Москву изъ Соловецкаго монастыря не раньше 1655 года.

Мы остановились съ особеннымъ вниманіемъ на «подстрочныхъ примѣчаніяхъ» къ изданнымъ въ первой книжкѣ «Братскаго Слова» документамъ—не потому, чтобы указанные въ нихъ недостатки считали важными, а тѣмъ болѣе—роняющими достоинство почтеннаго изданія,—говоримъ, положи руку на сердце, что мы съ искреннею радостію привѣтствуемъ появленіе

новаго журнала, какъ одного изъ весьма дѣльныхъ и полезныхъ изданій, и отъ всей души желаемъ ему возможно большаго круга читателей, — но по другимъ причинамъ. Изданіе ненапечатанныхъ доселѣ письменныхъ памятниковъ, особенно раскольническаго происхожденія, мы признаемъ дѣломъ настолько важнымъ и полезнымъ какъ для науки о расколѣ и всѣхъ, болѣе или менѣе интересующихся имъ, такъ и для самаго раскола—въ видахъ сближенія его съ православнымъ обществомъ, что считали своимъ долгомъ откровенно высказать свой взглядъ на него и показать, въ какомъ, по нашему мнѣнію, направленіи должно быть ведено это дѣло, чтобы оно могло наиболѣе соответствовать тѣмъ цѣлямъ и задачамъ, какія должны преслѣдовать изданія подобнаго рода. Мы понимаемъ, что требованія наши не легки для исполненія, сознаемся и въ томъ, что въ своихъ замѣткахъ мы были, можетъ быть, слишкомъ строги; но, поступая такъ, мы имѣли въ виду тѣ счастливыя условія, въ какихъ находится «Братское Слово» и благодаря которымъ оно можетъ, по нашему мнѣнію, легче, чѣмъ всякій другой журналъ, вести изданіе письменныхъ памятниковъ съ «подстрочными примѣчаніями» такого рода, чтобы въ нихъ сказанія раскольниковъ повѣрялись и, гдѣ нужно, исправлялись и объяснялись солиднымъ и ученымъ образомъ, — безъ угожденія какой либо сторонѣ, но безпристрастно и спокойно. «Братское Слово» издается въ нашей первопрестольной столицѣ—Москвѣ, гдѣ, какъ извѣстно, есть много не только ревнителей старины, но и серьезныхъ знатоковъ ея, — издается при братствѣ св. Петра митрополита, между членами котораго есть не мало лицъ съ замѣчательнымъ знаніемъ нашей древней письменности православной и раскольнической, знающихъ расколъ не по книгамъ только, но и по собственному опыту, и сдѣлавшихся сынами церкви послѣ серьезнаго и всесторонняго изученія православной истины, — издается, наконецъ, подъ редакціей профессора высшаго духовно-учебнаго заведенія, спеціалиста по расколу, составившаго себѣ

извѣстность въ наукѣ и литературѣ своими учеными трудами. Къ изданію, находящемуся въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, надѣмся, позволительно относиться нѣсколько требовательнѣе, чѣмъ ко всякому другому, поставленному въ иныя условія,—не съ дѣлю вредить его репутаціи, а въ надеждѣ на то, что, быть можетъ, нѣкоторыя изъ тѣхъ замѣчаній, которыя мы позволили себѣ сдѣлать «Братскому Слову», будутъ признаны имъ справедливыми и приняты во вниманіе при слѣдующихъ выпускахъ журнала, который чрезъ это сдѣлается еще болѣе цѣннымъ изданіемъ въ научномъ отношеніи.

Переходимъ ко второму *отдѣлу* «Братскаго Слова», въ которомъ предложено помѣщать *изслѣдованія* по разнымъ вопросамъ о расколѣ, историческаго и догматико-политическаго содержанія. Стоящая на первомъ мѣстѣ этого отдѣла статья «о причинахъ и послѣдствіяхъ первоначальнаго отдѣленія старообрядцевъ отъ церкви православной» есть собственно слово, произнесенное 5 октября 1874 года, въ день памяти трехъ московскихъ святителей и годовичнаго поминовенія скончавшихся членовъ братства св. Петра митрополита. Говорить подробно объ этой статьѣ неизвѣстнаго автора мы не будемъ, такъ какъ содержаніе ея указывается самымъ заглавіемъ, но считаемъ не лишнимъ замѣтить слѣдующее: слово, какъ видно, сказано было въ присутствіи старообрядцевъ; трудно, по нашему мнѣнію, сказать горькую правду ревнителямъ старины въ болѣе мягкой и примирительной формѣ, чѣмъ какъ это сдѣлано почтеннымъ авторомъ разсматриваемаго слова. Что же касается самаго вопроса «о причинахъ и послѣдствіяхъ первоначальнаго отдѣленія старообрядцевъ отъ церкви»,—вопроса, который и самъ по себѣ весьма важенъ, всегда занималъ какъ раскольниковъ, такъ и православныхъ, въ настоящее же время, благодаря «полемикѣ повѣйнаго раскола», приобрѣлъ особенно жгучее значеніе,—то нельзя не сознаться, что неизвѣстный авторъ не только далъ ему вѣрную постановку, но и рѣшилъ его весьма удовлетворительно. Смѣло рекомендуемъ вниманію нашихъ читателей эту небольшую, но

въ высшей степени интересную, статью, въ которой, кромѣ многого другаго, они найдутъ краткій, но справедливый отвѣтъ на возбужденный въ послѣднее время литературой вопросъ: справедливо ли поступила церковная власть, подвергнувъ противниковъ ея преобразованій страшной церковной карѣ — отлученію?

Принимая во вниманіе то обстоятельство, что нѣтъ почти ни одного полемическаго сочиненія противъ раскола, въ которомъ бы не говорилось болѣе или менѣе пространно и о перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія, — этомъ главнымъ «догматѣ» раскола, — что въ послѣднее особенно время написано по этому вопросу не мало специальныхъ статей и цѣлыхъ сочиненій, что въ частности 31 глава Стоглава, излагающая ученіе объ этомъ предметѣ и служащая доселѣ главнымъ основаніемъ для раскольниковъ въ ученіи о двуперстїи, была предметомъ специальныхъ изслѣдованій многихъ ученыхъ, можно бы думать, что въ настоящее время трудно и даже невозможно сказать что либо новое и интересное по этому вопросу. И однакоже напечатанная въ «Братскомъ Словѣ» статья преосвященнаго Макарія, архіепископа литовскаго и виленскаго, подъ названіемъ: «правило Стоглаваго собора о двуперстїи съ исторической точки зрѣнія», доказываетъ противное. Правда, въ ней встрѣчается не мало данныхъ, которыя извѣстны были и прежде; но во 1-хъ многія изъ этихъ данныхъ получили подъ перомъ ученаго архипастыря новое освѣщеніе и смыслъ; во 2-хъ въ статьѣ приведено не мало и такихъ свидѣтельствъ, которыя становятся извѣстными въ наукѣ только теперь, — таковы свидѣтельства, взятые преосвященнымъ авторомъ изъ рукописей Московской Синодальной, Кирилло-Бѣлозерской, Новгородской Софійской и другихъ библиотекъ; наконецъ, въ 3-хъ, въ самомъ правилѣ Стоглаваго собора преосвященный Макарій указалъ такіа стороны, на которыя, сколько намъ извѣстно, до настоящаго времени почти не обращали вниманія. Дѣлю въ томъ, что доселѣ въ 31 главѣ Стоглава видѣли только ученіе о *двуперстїи*

какъ для крестнаго знаменія, такъ и для благословенія, между тѣмъ какъ, по справедливому замѣчанію преосвященнаго, Стоглавъ заповѣдуетъ перстосложеніе не двуперстное только, но и троеперстное, уча слагать не только два перста, но и три, и даже о сложеніи трехъ перстовъ во имя св. Троицы говоритъ прежде, а уже потомъ о сложеніи двухъ перстовъ для означенія двухъ естествъ во Христѣ,—такъ, что если сравнивать перстосложеніе, заповѣдуемое Стоглавомъ, съ перстосложеніями, употребляющимися въ православной церкви,—троесперстнымъ для крестнаго знаменія и, такъ называемымъ, именованнымъ для благословенія,—то окажется, что по вышнему виду оно, отличаясь отъ троесперстнаго, имѣетъ большее сходство съ именованнымъ, такъ какъ въ немъ два перста—указательный и средній—слагаются совершенно такъ, какъ они слагаются въ именованномъ перстосложеніи, а три остальные перста совокупляются довольно близко къ тому, какъ они соединяются въ именованномъ,—по внутреннему же смыслу старается совмѣстить въ себѣ оба православныя перстосложенія,—такъ какъ учить слагать и три перста во имя Св. Троицы, согласно съ троесперстнымъ, и два перта во имя Иисуса Христа, или двухъ естествъ въ Немъ, согласно съ именованнымъ. Эти совершенно справедливыя предварительныя замѣчанія дадутъ преосвященному Макарію основаніе, для рѣшенія вопроса о времени происхожденія перстосложенія, заповѣдуемаго Стоглавомъ, поставитъ слѣдующіе два частныя вопроса: 1) одво ли, или два различныхъ перстосложенія употреблялись въ православной церкви для крестнаго знаменія и благословенія во времена, предшествовавшія Стоглавому собору, и 2) съ какого времени начали для крестнаго знаменія употреблять двуперстное и вмѣстѣ троесперстное перстосложеніе, проповѣдуемое Стоглавомъ, съ какого времени это двуперстно-троесперстное перстосложеніе начали употреблять не для одного только крестнаго знаменія, или не для одного благословенія, а равно и для того и для другаго? Рѣшенію этихъ-то вопросовъ, и притомъ на основаніи достовѣрныхъ,

не подлежащих сомнѣнію, свидѣтельствъ, и посвящена разсматриваемая статья учонаго архипастыря. Считаемо лишнимъ говорить о томъ, что оба вопроса рѣшены преосвященнымъ съ тою обстоятельностью и съ тѣмъ знаніемъ дѣла, какия читающій міръ давно привыкъ видѣть въ многочисленныхъ учоныхъ трудахъ автора «исторіи русскаго раскола», и что свойственная преосвященному ясность изложенія дѣлаетъ доступнымъ его новое произведеніе даже и послѣдователямъ Стоглава; но не лишнимъ считаемъ указать на слѣдующее. Доказавъ несомнѣнными свидѣтельствами, что въ церкви православной—въ Греціи и у насъ до—второй половины XV вѣка употреблялись два различныхъ перстосложенія, одно для крестнаго знаменія, а другое для благословенія, что въ частности—для крестнаго знаменія употреблялись—въ первые вѣка христіанства одноперстіе и троеперстіе, съ X столѣтія преимущественно троеперстіе, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Сиріи)—двуперстіе, впрочемъ не то, какое заповѣдуетъ Стоглавъ, а для благословенія—перстосложеніе, такъ называемое, именованное, и указавъ при этомъ одно свидѣтельство неизвѣстнаго грека XII вѣка, изъ котораго видно, что въ этомъ вѣкѣ нѣкоторыми греками употреблялось для благословенія и такое сложеніе двухъ и вмѣстѣ трехъ перстовъ, которое, если не по вѣшнему виду, вовсе не обозначенному въ свидѣтельствѣ, то по внутреннему смыслу, совершенно похоже на перстосложеніе, утвержденное Стоглавымъ соборомъ, преосвященный дѣлаетъ изъ всего сказаннаго слѣдующій выводъ, въ которомъ старается объяснить происхожденіе перстосложенія, заповѣдуемаго Стоглавомъ:

«Въ числѣ перстосложеній, употреблявшихся въ православной церкви въ теченіе первыхъ XV вѣковъ, собственно для благословенія, находилось и то, или весьма близкое къ тому, которое утверждено Стоглавымъ соборомъ. Но повторяемъ: *собственно для благословенія*... А какъ же могло случиться, что это самое перстосложеніе стали употреблять вмѣстѣ и для крестнаго знаменія и когда это случилось? Какимъ образомъ, вмѣсто двухъ различныхъ

перстосложеній, употреблявшихся у насъ еще въ первой половинѣ XV в. при митрополитѣ Фотіѣ для благословенія и для крестнаго знаменія, могло возникнуть и потомъ распространиться и приобрести силу только одно перстосложеніе для той и другой цѣли такъ называемое двуперстное, утвержденное Стоглавымъ соборомъ? Припомнимъ сказанное нами прежде, что это двуперстное перстосложеніе, по вѣншему виду, имѣетъ сходство съ именованнымъ и въ сложеніи собственно двухъ перстовъ, указательнаго и средняго, даже совершенное сходство, а по внутреннему смыслу старается совмѣстить въ себѣ оба перстосложенія и именованное и троеперстное: итакъ, не изъ нихъ ли непосредственно и возникло оно самымъ естественнымъ и непримѣтнымъ образомъ? Какому нибудь грамотѣю, любившему поуметвовать, легко могло придти на мысль, зачѣмъ это въ церкви употребляются два разныхъ перстосложенія для благословенія и крестнаго знаменія, когда совершенно удобно совмѣстить ихъ въ одно, безъ всякаго нарушенія ихъ внутренняго смысла? Для благословенія слагаются всѣ пять пальцевъ правой руки, во имя Іисуса Христа, и выражаютъ собою ІС. ХС.; а совершенно достаточно слагать только два перста, указательный и средній, выражающіе собою ІС., во имя Іисуса, въ двухъ его естествахъ. Для крестнаго знаменія слагаются три первые перста правой руки во имя пресв. Троицы, а можно слагать во имя пресв. Троицы и тѣ самые три перста правой руки, которые при благословеніи слагаются для означенія имени Христа—ХС., т. е. большой съ безымяннымъ и мизинцемъ. И выйдетъ изъ двухъ перстосложеній одно, съ сохраненіемъ ихъ знаменованій. Родившись въ головѣ какого либо грамотѣя, такая мысль, какъ согласная съ духомъ православія, могла найти сочувствіе и между другими, подобными же грамотѣями, и чрезъ нихъ мало по малу распространяться. Или дѣло совершилось еще проще: какой-либо благочестивый христіанинъ, разсуждая о различіи между тѣмъ перстосложеніемъ, которое употребляютъ пастыри церкви для благословенія вѣрующихъ, и тѣмъ, которое употребляютъ всѣ вѣрующіе для крестнаго знаменія, могъ остановиться на соображеніи, что первое перстосложеніе, какъ употребляемое пастырями церкви, должно быть болѣе священнымъ и болѣе сильнымъ предъ Богомъ, а вслѣдъ за тѣмъ перейти къ выводу, что гораздо лучше и цѣлесообразнѣе это же самое пастырское благословеніе употреблять и всѣмъ вѣрующимъ для крестнаго знаменія.

И эта мысль, подобно изложенной нами выше, какъ не противная вѣрѣ и благочестію, могла также найти себѣ послѣдователей между вѣрующими и послужить началомъ для постепеннаго распростра-ненія двуперстно-троеперстнаго перстосложенія и для крестнаго знаменія, по крайней мѣрѣ, въ видѣ частнаго обычая. Какъ бы то ни было впрочемъ, вѣрны или невѣрны высказанныя нами предположенія,—но необходимо допустить, что если не раньше, то и не позже второй половины XV вѣка у насъ появились уже ревнители ученія, что для благословенія и крестнаго знаменія должно употреблять одно и то же сложеніе перстовъ, двухъ и трехъ: появились именно у насъ, а не въ Греціи, гдѣ даже въ началѣ XVI в. еще продолжали учить вѣрующихъ креститься только тремя перстами» (*отд. II, стр. 44—46*).

Не знаемъ, кому какъ, но намъ первое предположеніе, сколько извѣстно, доселѣ еще никакъ не высказывавшееся, представляется болѣе вѣроятнымъ; оно находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе не только въ значеніи, какое дается двумъ и тремъ перстамъ, употребляемымъ въ перстосложеніи, утвержденнымъ Стоглавымъ соборомъ, но и въ той статьѣ Сборника Кирилло-Бѣлозерской, нынѣ Академической бібліотеки, которая приведена преосвященнымъ въ 31 примѣчаніи. Въ заключеніе считаемъ долгомъ замѣтить, что въ разсматриваемомъ нами изслѣдованіи приведены несомнѣнныя свидѣтельства въ подтвержденіе того, что даже *послѣ* Стоглаваго собора, утвердившаго двуперстіе грозною клятвою на некрестящихся такимъ перстосложеніемъ, троеперстіе для крестнаго знаменія оставалось у насъ господствующимъ до 30-хъ годовъ XVII столѣтія, и что въ Греціи оно употреблялось въ это время, какъ общій обычай. Послѣ такихъ свидѣтельствъ преосв. Макарій имѣлъ полное основаніе заключить свое учное изслѣдованіе слѣдующимъ вопросомъ: «спросимъ теперь послѣдователей Стоглава: какимъ же это образомъ могло случиться, что въ началѣ XVII столѣтія троеперстіе для крестнаго знаменія было господствующимъ и въ Греціи и даже въ Россіи, если справедливо, какъ вы утверждаете, что не только со времени Стоглаваго собора, но и прежде его и вооб-

ще изначала въ церкви православной употреблялось только одно истинное перстосложеніе—двуперстное»? Читатели наши, надѣмся, понимаютъ, что въ этомъ вопросѣ заключается и отвѣтъ—тотъ, что старообрядцы неправы въ своемъ ученіи о перстосложеніи.

Что касается послѣдней статьи втораго отдѣла: «опытъ сличенія церковныхъ чинопослѣдованій по изложенію церковно-богослужебныхъ книгъ московской печати, изданныхъ первыми пятью російскими патріархами», то мы считаемъ достаточнымъ привести отзывъ о ней самой редакціи. Вотъ этотъ, по нашему мнѣнію, совершенно справедливый отзывъ.

«Авторъ (іеромонахъ Филаретъ) ограничиваетъ свою задачу довольно тѣсными предѣлами. Онъ не слѣдуетъ въ историческомъ порядкѣ, какія именно, какъ и почему были дѣлаемы перемѣны въ каждомъ послѣдующемъ изданіи одной и той же богослужебной книги противъ изданія предшествовавшего, предоставляя этотъ интереснѣйшій и важный по своимъ выводамъ трудъ людямъ болѣе подготовленнымъ для такого занятія научнымъ образованіемъ. Имѣя въ виду главное предъявленіе старообрядцевъ противъ новоисправленныхъ книгъ, что онѣ будто бы исполнены новшества,—отложеній, приложеній и повопремѣненій, тогда какъ старопечатныя книги представляютъ якобы полнѣйшее единство и согласіе въ чинопослѣдованіяхъ, обрядахъ и молитвословіяхъ, что и составляетъ ихъ отличительное свойство и преимущество предъ соборнѣ исправленными, авторъ поставяетъ своею задачею—посредствомъ сличенія изданныхъ до Никонова патріаршества церковно-богослужебныхъ книгъ показать,—какія напротивъ многочисленныя различія и несогласія находятся въ этихъ, такъ называемыхъ, старопечатныхъ книгахъ; и здѣсь притомъ онъ беретъ во вниманіе только различія и несогласія болѣе важныя, касающіяся отправленія церковныхъ чинопослѣдованій, богослужебныхъ дѣйствій и молитвословій, не приводя весьма часто встрѣчающихся отличій въ выраженіяхъ и словахъ. Но авторъ не ограничивается однакоже только перечнемъ разныхъ несогласій, находящихся въ старопечатныхъ книгахъ: гдѣ эти различія имѣютъ ближайшее отношеніе къ сдѣланнымъ въ новопечатныхъ книгахъ исправленіямъ, вызваннымъ со стороны ста-

рообрядцевъ наиболѣе рѣзкія осужденія, тамъ обыкновенно авторъ приводятъ свидѣтельства неподлежащихъ прережанію древлеписьменныхъ славянскихъ книгъ, что придаетъ труду его особенно важное значеніе» (*отд. II, стр. 68—9*).

Редакція съ своей стороны въ наиболѣе важныхъ мѣстахъ приводитъ подъ строкою и греческій ихъ текстъ по извѣстному Гоарову изданію древнихъ текстовъ греческаго Евхологія и по находящимся въ Синодальной библіотекѣ древнимъ спискамъ греческаго требника.

Замѣтки наши, сверхъ ожиданія, получили такой размѣръ, что о статьяхъ, помѣщенныхъ въ третьемъ *отдѣлѣ* «Братскаго Слова», мы намѣрены сказать очень немногое. Въ «словѣ на обновленіе храма» о. игумень Павелъ доказываетъ, что старообрядцы, вѣруя, что Христосъ есть Сынъ Божій и Богъ, не имѣютъ всецѣлой вѣры въ обѣтованія Христовы (напр. о неодолимости церкви) и тѣмъ не только ставятъ себя въ опасное положеніе по отношенію къ спасенію, но подають примѣръ невѣрія и другимъ. А въ письмѣ о книгѣ «Царскій путь» достопочтенный о. игумень, отвѣчая на предложенный ему однимъ близкимъ знакомымъ вопросъ: былъ ли онъ безпоповцемъ по своимъ убѣжденіямъ, или уже внутренно отрёкся отъ безпоповства въ то время, когда писалъ «Царскій путь», сообщаетъ въ то же время не мало подробностей о тѣхъ внутреннихъ основаніяхъ, по которымъ бывшій настоятель прусскаго безпоповщинскаго монастыря рѣшился вмѣстѣ съ многими своими учениками присоединиться къ св. церкви. «Разсказъ бывшаго старообрядца о своемъ обращеніи изъ раскола въ православіе» интересенъ въ томъ отношеніи, что представляетъ собою откровенную исповѣдь человѣка о своемъ внутреннемъ перерожденіи, и кромѣ того сообщаетъ не мало любопытныхъ частностей о нѣкоторыхъ современныхъ дѣятеляхъ поповщинскаго раскола, съ которыми авторъ въ свое время находился въ близкихъ отношеніяхъ. Что же касается «лѣтописи происходившихъ въ расколѣ событій», то объ интересѣ ея читатели наши могутъ судить, между про-

чимъ, по тому отрывку изъ ней, который былъ помѣщенъ въ 3 № «Церковнаго Вѣстника».

Оканчивая наши замѣтки, считаемъ долгомъ прибавить слѣдующее: изданіе спеціального журнала, посвященнаго спокойному и безпристрастному разъясненію исторіи, вѣроученія и жизни раскола — въ видахъ его постепеннаго ослабленія и прекращенія, мы признаемъ явленіемъ въ высшей степени отраднымъ и многознаменательнымъ особенно въ настоящее время, когда, благодаря новымъ законодательнымъ распоряженіямъ свѣтскаго правительства относительно раскола, духовенству нашему волей-неволей приходится дѣйствовать на заблуждающихся только своими собственными силами и средствами, безъ поддержки и вмѣшательства со стороны гражданской власти. Мы болѣе, чѣмъ увѣрены въ томъ, что наши пастыри церкви воспользуются этимъ отраднымъ явленіемъ для своихъ миссіонерскихъ цѣлей.

N.
